

Ги Сайер

Последний солдат Третьего рейха .Дневник рядового Вермахта. 1942-1945. (фрагмент)

От автора

Ги Сайер... Кто же вы на самом деле?

Сразу оговорюсь, иногда я называю себя по имени, как будто со мною разговаривает кто-то другой, чьи слова имеют надо мной больше власти.

Кто я такой? Вопрос вроде бы несложный, хотя как сказать...

В общем, родители у меня люди простые, обыкновенные труженики, наделенные от природы тактом и умом. Провинциальное городишко Висамбур, где у нас скромный домик с небольшой усадьбой, находится на северо-востоке Франции, буквально в двух шагах от границы с Германией.

Когда мать с отцом познакомились, никому из них и в голову не могло прийти, что им, юным и влюбленным друг в друга, отчий край¹ сулит весьма тернистый жизненный путь.

Да и не только им, но и мне – их первенцу – тоже!

В самом деле, если у вас не одно, а два отечества, то и проблем, разумеется, вдвое больше, при том что жизнь всего одна. Когда задумываешься о будущем – что предпринять? как поступить? – очень хочется, чтобы сбылось все, о чем мечтается. Не правда ли?

С возрастом, конечно, приходит понимание, что прожитые годы, по сути, сплошной разлад мечты с действительностью. Но это я так, к слову...

Детство у меня было замечательное, а вот юность не заладилась. В лучшую пору жизни, когда все так значительно и важно, когда живешь ожиданием первой любви, подоспела война, и я в свои неполные семнадцать вынужден был обручиться с нею. Разумеется не по любви и, конечно, не по расчету! Какой уж тут расчет, если, уходя в армию, собирался служить под одним флагом,

¹ Имеется в виду историческая провинция Франции Эльзас – Лотарингия, которая была отторгнута Германией в 1871 г. в результате Франко-прусской войны; возвращена в 1919 г. по Версальскому мирному договору; аннексирована в 1940 г. и освобождена в 1944 г.

а довелось служить под другим, если пришлось, условно говоря, защищать «линию Зигфрида»², но не «линию Мажино»³.

И все же, когда меня призвали в армию, я испытывал ни с чем не сравнимую гордость защитника отечества. Отец не раз говорил мне, что защита от недругов домашнего очага, в котором огонь испокон веку поддерживает женщина, святая обязанность настоящего мужчины.

Все правильно! Вот только война меня погубила, хотя я и спасся от снарядов.

Я не такой, как те, кто не воевал. Я – солдат, и, стало быть, другой потому что побывал в крошечном аду и теперь знаю страшную правду фронтовых будней.

Я стал черствым, безжалостным грубым и мстительным. Возможно, это хорошо, потому что именно этих качеств мне не хватало. Если бы у меня не было этой закалки, я на войне, скорее всего, сошел бы с ума.

Пролог

18 июля 1942 года

Прибыл в Хемниц. Городские казармы привели меня в восторг. Когда смотришь на овальной формы огромное здание белого цвета, просто оторопь берет. Я попробовал зачислить меня в 26-й отряд летной эскадрильи под командованием Руделя. К моему великому огорчению, опытные полеты на пикирующем бомбардировщике «Юнкерс-87» продемонстрировали мою полную непригодность для службы в воздушном флоте. Жаль, конечно! Мой отец считает, что, хотя выучка и боевое воспитание на высоком уровне во всех родах войск вермахта, все же в танковых войсках и авиации – в особенности.

Хемниц уютный город. Его красные островерхие крыши утопают в зелени. Стоит прекрасная погода, мягкая и нежаркая. В парке, который рядом с казармами, столетние липы и дубы разрослись широко и буйно, а буки, напротив, растут вверх и, несмотря на свою старость, остаются прямыми и стройными.

² «Линия Зигфрида» - система долговременных германских укреплений глубиной 35-100 км, протяженностью около 500 км вдоль западных границ от Нидерландов до Швейцарии

³ «Линия Мажино» - система долговременных французских укреплений глубиной 6-8 км, протяженностью около 400км вдоль границы с Германией, Люксембургом и частично с Бельгией

Время летит с бешеной скоростью. Прежде такого никогда не было. Каждый день что-то новое. У меня новехонькая, с иголки форма. Сидит на мне как влитая. Я – настоящий солдат. Меня так и распирает от гордости. Сапоги, правда, ношенные, но в приличном состоянии. Интересно, кто в них топал до меня?

На предпоследних тактических занятиях отрабатывали «наступление стрелкового взвода на долговременную огневую точку противника». Наша пехотная подготовка – пока что напоминает спорт. Возле парка, на лужайке, ложимся в цепь, перебежки, атаки. В лощине у леса залегаем в высокую траву, валяемся, хохочем...

Недавно целый день шел дождь, а нас гоняли с полной выкладкой и с винтовкой в руке по мокрому пустырю. Команды «Ложись!», «Бегом марш!», пока мы не стали похожи на огородные пугала и не валились с ног от изнеможения.

Но чаще всего, разбившись по отделениям, под руководством унтер-офицеров мы маршируем на лужайке. Шагаем, останавливаемся по команде, с шага переходим на бег, с бега – на шаг, подходим с вымышленным докладом к фельдфебелю, отходим от него по всем правилам военной науки. Слова команд слышатся то там, то здесь, одновременный топот ног сотрясает долину.

Козырять, стоять навтыжку, брать на караул, поворачиваться «напра-во» и «нале-во», щелкать каблуками, терпеть тысячи придинок – разве это подготовка к подвигам?

Оказывается, строевая подготовка теперь приобретает особое значение, потому что, как сказал наш фельдфебель, внешний вид армии в военное время играет особую роль. Он вообще прочел нам целую лекцию о том, что в нынешние времена храбрость – дело неплохое, но второстепенное. Главное сейчас – умение научиться всему тому, что солдат должен знать.

Мы уже знаем назубок все существующее пехотное оружие противника, потому что недооценка врага, как заявил наш фельдфебель, большая глупость.

Я нахожусь в состоянии, которое можно определить словами: «Сдержанно счастлив». Чувствую себя прекрасно. Правда, тактические занятия и строевая подготовка выматывают до предела. За ужином буквально клюю носом. Кстати, кормят сносно, но я время от времени вспоминаю наши семейные трапезы дома.

Скатерть в красную и белую клеточку... На завтрак кофе, мед, круассаны и горячее молоко.

Я выучил пару строевых песен и теперь горланю их вместе со всеми, но только с чудовищным французским акцентом. Все, конечно, смеются. Ну и пусть! Мы теперь одна семья. Мы теперь друзья. Военское товарищество, где все за одного и один за всех. Это пришлось мне по душе. Тяготы казарменной муштры я сношу легко и даже с охотой.

15 сентября 1942 года

Отправляемся в Дрезден.

В течение девяти недель мы проходили военное обучение, и за это время меня успели перевоспитать более основательно, чем за все школьные годы. Я уже усвоил, что начищенная пуговица важнее многих школьных премудростей, а без сапожной щетки вообще не обойтись.

То, что строевая подготовка – полезная вещь, я понял сразу и пришел к выводу, что, в конце концов, главное – быть добросовестным. Как это в общем-то просто и как нелегко в условиях, когда приказ – почти закон.

«Выполнить приказ» – как привычно стало это словосочетание, как убедителен его смысл, избавляющий от необходимости строить собственные планы.

Что ж, прощай, Хемниц! Мы вышли рано утром ускоренным маршем. Легкий сероватый туман с каждой минутой таял, и вскоре небо очистилось и заголубело. На обочинах дороги, по которой мы шагали, среди кустов боярышника и бузины проглядывали темно-зеленые елки. Было тихо. За спиной вставало огромное солнце. Впереди каждого солдата двигалась его длинная тень.

Мы шли тремя квадратами, повзводно – по всем правилам устава. Пройдя километров пятьдесят, погрузились в Дрездене в воинский эшелон и покатали на восток.

Несколько часов мы стояли в Варшаве. Многие изъявили желание ознакомиться с достопримечательностями польской столицы. Осмотрели гетто, вернее, то, что от него осталось. А когда пришло время возвращаться, разбились по трое-четверо. Поляки улыбались нам. В особенности девушки. Солдаты постарше и

посмелее меня уже завели себе подружек и общались в милой компании.

Наконец, наш эшелон отправляется, и через какое-то время мы прибываем в Белосток. Спустя пару часов, чеканя шаг, уже шагаем по шоссе. Предстоит пройти километров двадцать до казарм для формирования перед отправкой на фронт.

Сквозь листву деревьев, возвышающихся по сторонам шоссе, прорываются солнечные лучи и падают густой сеткой на белесое покрытие дороги и зеленые каски солдат.

Осень уже вовсю хозяйничает в этом краю. Красиво и повсюду тихо! Широкая всхолмленная равнина греется в лучах теплого осеннего солнца.

Фельдфебель Лаус отдает команду перейти на ускоренный марш, и буквально минут через десять высоко на холме возникают приземистые башни средневекового рыцарского замка, одного из тех, что некогда охраняли княжества, а возможно, и герцогства от разбойничьих набегов и крестьянских восстаний. Серый и сумрачный при любой погоде, он и теперь – в солнечный день – имеет грозный вид, напоминая декорацию, на фоне которой обычно разыгрываются действия какой-либо оперы Рихарда Вагнера.

Замок, издали казавшийся пустующим и необитаемым, оказался нашей казармой. В комнатах со стенами необычайной толщины, расположенных в крепостной стене, квартировали солдаты.

– Запевай! – рявкает фельдфебель, когда мы подходим к мосту, перекинутому через крепостной ров.

Запевала из второго взвода, на вид совсем замухрышка, худой и малорослый солдат, неожиданно высоким и сильным голосом выводит первую строфу: «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес...»⁴

Потом все мы вступаем в два голоса, и это двухголосие нежданно-негаданно придает песне торжественное звучание.

У крепостных ворот стоит рослый часовой, держа у ноги самозарядную винтовку с примкнутым штыком. Он делает нам на караул.

⁴ «Германия, Германия превыше всего...» Эту «Песню немцев» написал Генрих Гоффман фон Фаллерслебен в 1841 г. Положенная на музыку Франца Йозефа Гайдна (1937 г.), она стала в 1922 г., по указу рейхспрезидента Фридриха Эберта, государственным гимном

Мы входим во двор замка, чеканим шаг по неровным выщербленным плитам и застываем по команде «Смирно!». С речью обращается старший офицер в звании майора:

– Солдаты, перед нами поставлена цель ликвидировать советских комиссаров, наделенных неограниченной властью над жизнью и смертью людей. Уничтожить их значит сберечь германскую кровь на поле брани и в тылу. Вопросы есть?

– Как думаете, господин майор, а у нас все получится? – отважился кто-то задать вопрос.

– Я не думаю и вам не советую. Приказ есть? Есть. А думать будем, когда его выполним. Зиг хайль!⁵

– Хайль Гитлер! – рявкнули мы во все горло.

Раздалась команда «Вольно!» – и началась перекличка. Тем, чье имя и фамилию назвали, велют строиться в две шеренги. Я поглядываю по сторонам. Во дворе полно военных машин, возле которых переминаются с ноги на ногу сотни четыре солдат с полной боевой выкладкой.

Наша проверка, проходящая четко и сноровисто, заканчивается. Звучит команда разбиться на группы по тридцать человек для размещения в казармах.

Пожилой солдат лет пятидесяти, сопровождающий нас, кивает в сторону крытых грузовиков и вполголоса произносит:

– Деблокирующие войска... Вот такие дела!

Так вот в чем дело... Недаром у солдат такие хмурые лица!

Вечером я узнаю, что все они отбыли куда-то в Россию, а Россия – это война, о которой мне пока не так-то много известно. Припомнилась глава из школьной хрестоматии, которая называется «Русский». В ней сказано: «Русский белокур, ленив, хитер, любит пить и петь». Вот и все!

Не успел я положить свой ранец на приглянувшиеся мне деревянные нары, как раздалась команда на построение. Обедать, что ли? Давно пора... Последний раз нас кормили в Белостоке. Ржаной хлеб и творог с вареньем с удовольствием лопали все. Интересно, чем здесь собираются потчевать?

Оказывается, я чересчур большой оптимист.

⁵ Да придёт с нами святая победа!

Фельдфебель Лаус, успевший натянуть теплый свитер, улыбаясь предлагает нам пойти искупаться. Ничего себе! Сентябрь на дворе, как-никак!

– Холодно, по-моему, – бросает сквозь зубы гигант эльзасец. Неробкого десятка солдат, осмелился возразить майору. – У любого здравомыслящего человека, на мой взгляд, есть право отказаться от принятия этой водной процедуры.

Фельдфебель Лаус, продолжая улыбаться, произносит с расстановкой:

– У любого человека есть лишь обязанности, а права только у Бога. Это раз. Если солдат сам не любит себя, он доставляет другим лишние заботы, а на войне не должно быть ничего лишнего. Это два. Русская зима нешуточное дело, поэтому будем закаляться. Это три. Не воевавши в госпиталь угодить – вроде дезертирства. Ясно?

Пришлось нам сделать над собой усилие. Пружинистым шагом, как заправские спортсмены, преодолеваем километр или полтора и оказываемся на песчаном берегу озера, куда несет свои воды говорливый ледяной ручей.

Фельдфебель Лаус перестает улыбаться, приказывает раздеться догола и обводит нас взглядом с хитроватым прищуром.

Догола так догола! Мы уже научились преодолевать не только стыдливость, но и многое другое. Я помню, как стеснялись мы на первых порах, когда новобранцами жили в казармах. Со временем привыкли еще и не к такому.

Первым в воду, обдав нас брызгами, прыгает сам фельдфебель. Все смеются, но мне не смешно. Погода, конечно, замечательная... для прогулки, но не для купания. Я пробую ногой воду. Бр-р! И тут же получаю тычок в спину. Сопровождаемый взрывом хохота, лечу в воду. Когда выбираюсь на берег, меня бьет колотун. Воспаление легких, вне всякого сомнения, к вечеру обеспечено! Так, а где полотенце? Полотенца нет ни у кого! Зато у меня есть пуловер. Его я и натягиваю на мокрое тело.

Мы едва поспеваем за нашим фельдфебелем. Он несется во весь опор и проделал уже половину пути до нашего замка. Мы страшно проголодались и, влетев во двор, ищем взглядом вход в столовую. Но не тут-то было! Никакого намека на то, что нас собираются кормить.

– Дадут нам пожрать или нет? – спрашивает гигант эльзасец у стоящего поодаль унтер-офицера.

– Смирно! – рявкает фельдфебель.

Мы застываем. Даже наш храбрый эльзасец.

– Обед здесь в одиннадцать, – гаркает Лаус. – А мы прибыли с опозданием на три часа. Тройками, справа от меня, становись! Сейчас у нас стрельбы.

Сжав зубы, мы отправляемся за нашим мучителем.

Узкая тропинка бежит через лес. Тихо. Припекает солнце. Пахнет хвоей и смолой. Неподалеку стучит дятел.

Наши ряды расстроились, и мы плетемся гуськом. Фельдфебель Лаус умчался. Вероятней всего, чтобы выяснить, все ли готово к стрельбам, которые для офицеров серьезное испытание, а для солдат любимое занятие. Стрельбы – настоящее дело, для которого требуется умение.

А голод между тем давал о себе знать. Неужели после этих учебных стрельб состоится обсуждение результатов? Скорее всего... При поистине пчелином усердии Лауса не миновать нам разбора стрельбы по мишеням с бесконечными придирками. Похоже, сегодня мы окончательно убедимся в том, что голод и в самом деле не тетка.

Тропинка вывела на опушку леса, где матерые ели стояли вперемежку с кряжистыми березами. Я поймал себя на том, что природа на голодный желудок не вызывает у меня прежнего радостного чувства.

Неожиданно среди идущих впереди солдат возникло замешательство. Что такое? Я пускаюсь во всю прыть к развилке, где человек тридцать солдат сгрудились вокруг троих поляков в гражданском с корзинками с отборными куриными яйцами.

Поляки что-то лопочут, но я по-польски ни бум-бум! Но и так ясно, что они продают яйца, а нам, к несчастью, до сих пор не выплатили жалованье.

Короче говоря, довольно быстро выясняется, что в наших карманах пусто.

Не в силах противостоять искушению, мы запускаем руки в корзины. Направо-налево сыплются удары, но все это происходит в полном молчании. У меня в пилотке оказалось восемь целехоньких яиц. Не так уж и плохо, если не обращать внимания на боль в ноге. Кто-то вмазал мне каблуком по щиколотке.

На меня во все глаза таращится упитанный австрияк. Глядя на его румяное мальчишеское лицо, я и представить себе не мог,

каким оно станет через месяц, когда утомительная беспощадная фронтовая жизнь всей тяжестью обрушится на нас.

Я протягиваю ему пару яиц. Он от изумления и счастья теряет дар речи.

Оставшиеся шесть яиц я проглатываю чуть ли не со скорлупой.

Наконец-то мы на стрельбище. Здесь по меньшей мере тысяча солдат. Стрельба не прекращается. Издалека виднеются поднятые над бруствером темные и белые мишени. Те, что ближе, – для стрельбы из винтовок, а подальше – из пулеметов. Я прихватываю к винтовке дюжины две патронов, намереваясь расстрелять их, когда настанет моя очередь. Некоторые берут и больше, но и двадцати хватит.

Яйца в желудке начинают вести себя кое-как. Что обо мне думает при этом мой организм, вряд ли можно описать цензурными словами.

Время близится к вечеру. Мы голодны как волки. Наше отделение отстрелялось вполне прилично. Лаус получает благодарность. Вскинув винтовки на плечо, мы уходим со стрельбища. Шагаем по узкой гравиевой дорожке. Сюда, кажется, шли другим путем.

Далеко ли до нашего замка? Оказывается, нам еще идти и идти. Километров десять точно. Мы шагаем и поем. Наверное, нет лучшей тренировки для легких, чем петь на марше. Поскольку я в добром здравии, думаю, тем вечером они превратились в кузнечные мехи.

Время от времени успеваю бросить взгляд на товарищей, которые уже задыхаются. На лицах у многих из них отчаяние. Что, собственно, происходит? Петер Делейге – он шагает наискосок от меня – вытягивает руку. На запястье у него поблескивает циферблат часов.

– Время! – произносит он вполголоса.

Наконец-то до меня дошло! Уже стемнело. Сейчас наверняка около шести... Получается, мы не успеем и на ужин?

Не мешает поднажать! Может, еще успеем и нам хоть что-нибудь перепадет.

Пустившись чуть ли не галопом, обгоняем фельдфебеля Лауса.

Тот в недоумении смотрит на нас, срывается было на крик, но спохватывается и на ходу бросает:

– Решили меня обставить, да? Ну, это мы еще посмотрим!

По его команде мы в седьмой раз затягиваем: «Эрика, мы тебя любим» – и, не замедляя шага, минуем массивный каменный мост, перекинутый через ров, вваливаемся на двор и видим колонну солдат, вооруженных котелками и кружками. Они выстроились в очередь у походной кухни с тремя огромными котлами.

По команде Лауса мы останавливаемся. Сейчас он гаркнет: «Разойтись!» – и мы рванем за котелками. Но наш мучитель заставляет поставить винтовки в пирамиду. Еще десять минут коту под хвост!

– Ладно, – наконец бросает он, – действуйте! Может, и вам чего достанется. И чтоб никакой свалки!

Мы соблюдаем порядок до двери оружейного склада, но за его пределами уже ничто не сможет нас удержать. Со всех ног несемся в казарму. Перепрыгивая через ступени лестницы, сбиваем с ног спускающихся солдат. Однако на своем этаже останавливаемся в растерянности. Никто не помнит наверняка, где живет. Носимся из одной комнаты в другую, отпихиваем друг друга, чертыхаемся, обмениваемся тумаками.

Счастливики, сразу обнаружившие свои котелки, галопом пускаются вниз по лестнице. Какое свинство! Сметут ведь все, что осталось!

Наконец я нахожу свой ранец, хватаю котелок и кружку, бегу во двор и, сопровождаемый дружелюбным взглядом фельдфебеля Лауса, занимаю место в очереди. Вижу, что в одном котле еще кое-что осталось, и с облегчением вздыхаю.

Улучив момент, разглядываю товарищей. Вот Бруно Ленсен. Он уже получил свою порцию. Жует прямо на ходу. Фарштейн, Оленсгейм, Линдберг, Гальс следуют его примеру. Настает и моя очередь. Я протягиваю котелок. Повар опрокидывает в него черпак, а в крышку отваливает приличную порцию каши. Я усаживаюсь на скамейке неподалеку и набрасываюсь на пищу так, будто голодал годами. А вообще, неплохая стряпня! Попадают кусочки мяса, чернослив, манка. Через пять минут от них не остается и следа.

Напитков, похоже, не предвидится. Как и все мои товарищи, я иду в умывальню и опрокидываю в себя три кружки ледяной воды. Заодно мою котелок.

Вечерняя переключка проходит в большом зале. Капитан сообщает нам об успехах рейха. Уже восемь. После сигнала «Отбой» был исполнен хорал «Возблагодарим Господа нашего». Затем мы плетемся к себе, валимся на топчаны и сразу же засыпаем.

Так проходит мой первый день в Польше. Сегодня 18 сентября 1942 года.

Нас поднимают в пять. И так ежедневно в течение двух недель. Организуется устоявшийся быт с дежурствами по казарме, маневрами, учебными стрельбами. Каждый день форсируем озеро. Разумеется, не вплавь...

Вечером только и хватает сил повалиться на матрас. Черкнуть родным уже не в состоянии.

В стрельбе мне сопутствует успех. Раз пятьдесят я удачно бросил гранату.

Время от времени моросит. Занудный дождь говорит о скорой зиме? Но на дворе октябрь. Сегодня только пятое. Небо с утра чистое. Прохладно. Может, будет отличный денек. После завтрака отправляемся повзводно на маневры.

Не поем – не было приказа. Слышно только, как грохочут сапоги. Этот звук мне по душе. Разговаривать с кем бы то ни было не хочется. Я набираю полные легкие холодного воздуха. Здорово! Я даже не пытаюсь понять, почему испытываешь душевную бодрость после ежедневной изматывающей муштры. Навстречу шагает взвод, расквартированный в двенадцати километрах от нас, в местечке Кременстовск. Мы салютуем друг другу. Они идут, повернув головы налево, мы – направо. Не меняя построения, переходим на ускоренный марш, затем возвращаемся к обычной скорости, и снова на ускоренный марш. По возвращении в замок застаем здесь пополнение.

Все унтер-офицеры заняты новобранцами. Мы в ожидании стоим у входа. Но и через полчаса до нас по-прежнему никому нет дела. Тогда мы составляем винтовки в козлы и располагаемся прямо на плитах.

Я завожу беседу с лотарингцем. Получается забавная смесь французского с немецким. Так проходит утро. Удары колокола возвещают обед. Мы ставим винтовки в пирамиду на оружейном складе.

Уже полдень миновал. Так как никаких изменений в распорядок дня не поступило, Лаус объяснил нам, что у него сейчас тактические занятия, но не с нами, а с вновь прибывшими рекрутами. Прекрасно, просто великолепно! У нас мгновенно проснулась любознательность и жажда исследования. Мы поднимаемся на третий этаж, осматриваем местные достопримечательности, после чего карабкаемся по лестнице на чердак, а потом выбираемся на крышу, где пахнет летом.

Мы чувствуем себя как на пляже. Однако жара становится невыносимой. Скоро я, как и другие, отползаю в тень, а затем спускаюсь во двор и снова оказываюсь в обществе зануды лотарингца, который только и талдычит о том, с каким рвением он штудировал медицину. Сдалась мне его медицина! Отец

Конец ознакомительного фрагмента

Эту книгу Вы можете взять:

- в отделе абонемента по адресу г. Оренбург, ул. Правды, 7
- в читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20.

Получить доступ к электронной версии книги Вы можете в электронном читальном зале нашей библиотеки по адресу г. Оренбург, ул. Советская, 20, 2 этаж.